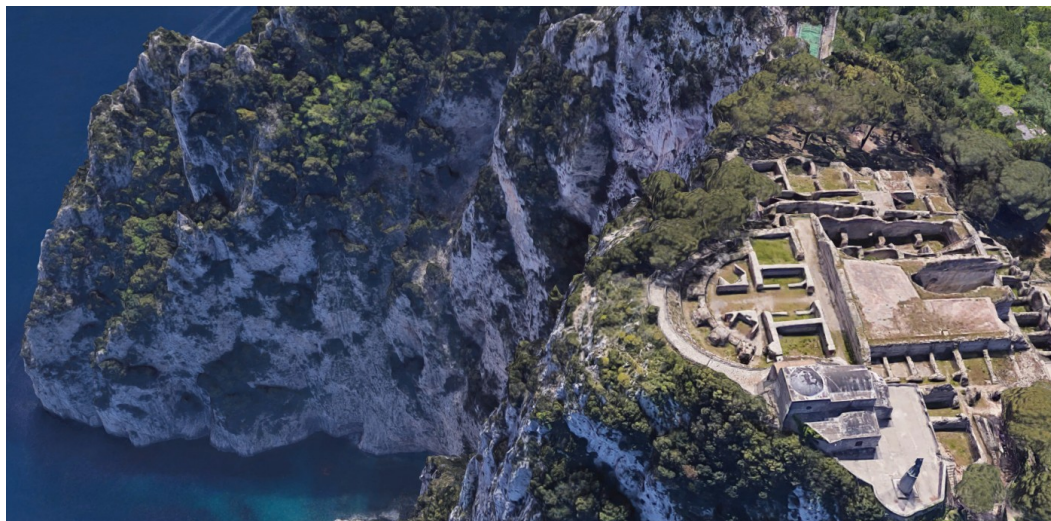

Алессандро Бава «Голоса (навстречу другим институтам)»

Вилла Йовис на Капри, © 2020 Google

Каприйская школа

Сидя в изоляции, я немалую часть дня проводил за разглядыванием острова Капри – его характерный силуэт вырисовывается за окном моей неаполитанской студии. Все долгие, томительные дни карантина он маячил вдалеке, как мираж.

Капри – известняковая скала, которая поднимается из воды у итальянского побережья ровно напротив Везувия, вулкана, подчиняющего себе весь окружающий ландшафт. Сегодня остров известен главным образом как дорогой курорт, где отдыхают русские и американские олигархи заодно с местными богатеями. Но в его долгой истории можно найти удивительные повороты, позволяющие по-новому взглянуть на современные институты.

Даже местному жителю непросто размышлять об этом острове в контексте деколонизации – ведь он всегда манил иностранцев и с давних времен считался колонией (как, впрочем, и остальной юг Италии). Римский император Август сделал из острова летнюю резиденцию и проводил здесь часы досуга. Судя по всему, у него на вилле были выставлены археологические находки времен палеолита. Император

Тиберий возвел на Капри целых 12 вилл и наслаждался оргиастическими ритуалами в местных гротах, что в конечном итоге тоже отразилось на «духе места». Подобное прошлое в сочетании со сладостным климатом не могло не сказаться на атмосфере; даже много веков спустя сюда продолжал стекаться международный бомонд. На Капри можно было отбросить обязательные на родине приличия, так что остров пользовался особой популярностью среди людей нетрадиционной ориентации, тех, кто не вписывался в общие рамки, а заодно и интеллектуалов (Вальтер Беньямин считал, что здесь прекрасно пишется по ночам). Все они, перебираясь на Капри, превращали остров в своего рода лабораторию *новых форм жизни*.

Неудивительно, что конце концов сюда начали стекаться и другие ниспровергатели устоев. В начале XX века на Капри проводился культурный эксперимент, в значительной мере предопределивший ход мировой истории. Именно он задал упомянутую выше новую оптику, которая может пригодиться и для переоценки современных институтов.

Первая Высшая социал-демократическая пропагандистско-агитаторская школа для рабочих, основанная на Капри в 1909 году эмигрантами из России, просуществовала совсем недолго, но ее значение трудно переоценить. С августа по декабрь собравшиеся на острове выдающиеся деятели (в том числе Максим Горький, Александр Богданов и Анатолий Луначарский) создавали учреждение нового типа, которое не просто ставило под вопрос буржуазную систему образования в царской России, но и подвергало критике ту самую науку, на которой основывало свою деятельность.

Школа ставила себе задачу снабдить молодых рабочих инструментарием для «пропаганды» социалистических идей на родине. Четко структурированный курс был направлен не только на осмысление текущих событий, но и на радикальную переоценку существующей системы знаний, которую предстояло переформулировать с позиций рабочего класса.

В программу входили: политэкономия, история и теория международного рабочего движения, история Интернационала и немецкой социал-демократии, история РСДРП, а также история России, ее литературы, церкви и государства, аграрного вопроса, финансов и рабочих движений.

Школа формировалась на фоне провала революции 1905 года, показавшей глубочайший кризис Российской империи и ее неспособность откликнуться на нужды зарождающегося рабочего класса, который вследствие демократических революций в Европе и Соединенных Штатах начал утверждаться как одна из главных действующих сил мировой политики. Немалую роль здесь сыграла социалистическая идеология, постепенно распространившаяся по Европе, угрожая власть предержащим.

В России Социал-демократическая рабочая партия после событий 1905 года раскололась на две фракции, которые придерживались прямо противоположных взглядов на стратегию подготовки к следующей революции. Лидеры этих фракций, Богданов и Ленин, оказались в вынужденной эмиграции и использовали культурные институты (прежде всего журналы и школы) для вербовки сторонников под свои знамена. Каприйская школа призвана была в качестве политической лаборатории укрепить позиции Богданова, к тому моменту уже исключенного из руководящей «тройки», и доработать его теоретическую и идеологическую платформу вопреки всем нападкам Ленина.

Главный идеологический посыл, который отстаивали основатели Каприйской школы, заключался в необходимости религиозного подхода к политической теории, отчасти по аналогии с культом Разума времен Великой французской революции – с той только разницей, что религиозное знание призвано толковать мир, тогда как новая социалистическая религия должна была этот мир преобразовывать. Этические и эстетические основания Каприйской школы заключались в «надежде на торжество добра и красоты», достижимое с

помощью социализма.

Это течение называли «богостроительством». И хотя оно находилось в оппозиции даже по отношению к оппозиционному и «нелегальному» большевизму, ему суждено было выйти далеко за пределы изначально поставленных задач и сыграть решающую роль не только в послереволюционной России, но и за ее пределами. Пожалуй, именно оно определило общественное и демократическое значение культуры вплоть до наших дней.

Для меня самым удивительным в этом образцовом культурном начинании – помимо некоторого налета ностальгии – оказалось наличие у лаборатории идей открыто декларируемой политической программы.

В наше время культурным институтам не положено иметь четкую политическую программу и уж тем более говорить о ней вслух; вопросы политики остаются в тени задач, определенных государственным или частным учредителем. Тем самым «мягко» ограничивается радиус их действия как лабораторий политического, этического и эстетического воображения. Многие области культурной деятельности (искусство, архитектура и в особенности соответствующие Биеннале) оказались очищены от сколько-нибудь четкой политической ориентации. В итоге позиции отдельных участников смешиваются в невнятную какофонию. С момента наступления обещанного неолиберализмом конца истории на наших глазах происходит медленная гибель культуры и ее возрождение в развлекательном формате. Сегодня, в разгар кризиса, когда особенно остро ощущается нужда в культуре с ее способностью к творческой интерпретации и осмыслению происходящего, для этого процесса уже не хватает полноценных площадок. Современные институты в лучшем случае не проговаривают свою политическую позицию, а в худшем – занимаются плохо завуалированной защитой существующего порядка или в принципе лишены политической сознательности. Культурным институтам положено сконцентрироваться на социальном «новаторстве», этических

«опытах», эстетических «обращениях».

Мы можем (и должны) деколонизировать институты, внедрять в них альтернативную ориентацию, делать их более разносторонними, но до тех пор, пока они не получают право открыто декларировать свою политическую программу вместо того, чтобы ограничиваться беззубыми и обтекаемыми, умеренно прогрессивными заявлениями, замаскированными под политику идентичности, эти институты обречены на одряхление и отсталость. Культура тем временем живет на улицах, где она бросает вызов идеалам, сбрасывает с пьедестала фальшивых кумиров, обезглавливает статуи.

Алессандро Бава – неаполитанский архитектор. Закончил школу Архитектурной ассоциации в Лондоне, где его руководителем был Пьер Витторио Аурели. Работал с Вито Аккончи в Нью-Йорке. В 2014 г. основал арт-объединение ауг, с которым делал на различных площадках Европы и Америки выставки, посвященные главным образом стремительной эволюции жилья под влиянием «экономики совместного потребления». Распустив объединение в 2018 г., Алессандро вновь вернулся к архитектуре: теперь он занимается исследованиями, а также придумывает, оформляет и курирует выставки, интерьеры и городские пространства. Его работы публикуются во влиятельных международных изданиях – e-flux, Mousse и др. С 2019 г. преподает в архитектурной школе Бартлетт. Основал экологический журнал ECOCORE.